

О книге своего товарища (1-1987, «Огни Кузбасса»)

Геннадий Чупин

«КАК ШПАГИ ГЛОТАЕТ ЦИРКАЧ...»*

При чтении этих стихов у меня не раз возникало ощущение, что их герой, жонглируя разнообразными предметами, идет на высоте по тонкому канату. Вот-вот он сделает неверный шаг, оступится, и тогда...

Но вздох облегчения вырывается из груди. Герою удалось сохранить равновесие, и он с честью проходит оставшийся отрезок пути.

...Жанр, в котором работает Владимир Ширяев — лирическая сатира, ироническая лирика, — и в самом деле очень рискованный. Ударится поэт в чистую лирику — читатель, ожидающий от него «что-нибудь веселенькое», тут же заскучает. А желание рассмешить, во что бы то ни стало, может обернуться шутками назойливыми, плоскими.

Владимир Ширяев, как правило, умеет органически соединить в одном стихотворении серьезную мысль, иронию, веселую шутку и парадокс:

*Развернула поутру
яблоня свой веер.
Никогда я не умру!
— В этом я уверен.
Вся в сиреневом дыму,
выстрелила почка.
Не умрете? Почему?
Не умру — и точка!*

Веселая бесшабашность этих стихов не может не прийтись по сердцу читателю, особенно молодому. Но бесшабашность — это лишь одно из многих выражений, которые может принимать лицо лирического героя. (Подчеркиваю — лирического, ибо, изредка встречая стихи В. Ширяева в журналах «Чаян» и «Крокодил», я воспринимал его раньше как «чистого» сатирика). Настоящим открытием Ширяева-лирика были для меня, например, такие стихи:

*Опять сегодня просигналили
лесам испуганные птицы
осенние ассигнования
в родную вкладывать землю.
С тетрадкой толстой на коленях я,
вношу в нее стихи печальные.
И если это — накопления,
то, видимо, — первоначальные.*

Великолепное стихотворение, не побоюсь этого слова! Оно, очень серьезное по своей сути, говорит о том, как нелегко и непросто копится жизненный опыт человека, опыт поэта. И все-таки даже здесь не обошлось без мягкой, чуть-чуть грустной, но все равно — иронической улыбки.

При этом стихотворение узнаваемо, написано нашим современником, что в стихах о природе сделать особенно нелегко. (Зачастую лишь след от самолета в небе кое-кого вырывает.)

К слову, хотел бы отметить, что у Владимира Ширяева нет коленопреклоненного созерцания этой самой природы. Она для него — дом, его неуютное, но родное общежитие. Или — живое существо:

*... листочек клена
смахнул с прозрачного лица.
Зажмурился и удивленно
глядит на красные леса.
(«Осенний родник»)*

От улыбки и смеха, как черт от ладана, бежит штамп, банальность, всяческая рутина. Сколько стихов об охране «окружающей среды» написано в последние годы! Как-то незаметно эта тема, важная и благородная сама по себе, превратилась для некоторых стихотворцев в золотую жилу. Читая подобные стихи, чувствуешь их тривиальность, но как-то не решаешься признаться в этом самому себе. А прочитайте стихотворение В. Ширяева «Актуальная тема» — и не останется никаких иллюзий на этот счет:

*Перечитываю стих — какая муть!
Но рука не поднимается порвать:
эта тема актуальна. Потому
мне редактор, словно брату, будет рад.*

А вот полная едкой иронии сценка «На базаре». Наряду с черносливом, урюком, продаются здесь и книги. «Как бы счастлив был Некрасов видеть зрелище такое!» — восклицает поэт, обыгрывая известные слова классика.

В эксцентрической поэзии Владимира Ширяева прослеживается стремление «поставить с ног на голову» обычное, примелькавшееся, вывернуть его наизнанку. Нередко автор прибегает к фантастике. «Баллада о теории относительности» повествует о том, как люди, впервые побывавшие на далекой планете Бета, обнаруживают там горы окурков и другого мусора. «Здесь наши потомки уже побывали...» — печально вздыхает капитан космического корабля.

А вот лирический герой, бредущий по заснеженному лесу, сталкивается с волками. Во-жак стаи «рванул когтями умело» его «пальтишко немодное», приблизил свою пасть «с зубами, как у пилорамы». Ситуация, казалось бы, безнадежная.

Но герой, сохраняя невозмутимость, с мягкой укоризной говорит волку: «Не пора ли понять, что так — негуманно?»

*Пощекотал за ухом,
в пасть карамельку сунул.
Вначале глядел он сухо,
вдруг вижу — слезинка будто бы...*

«Усталый и довольный», бредет герой по лесу, а «где-то вдали от рыданий изнемогают волки». Ирония такого рода неоднозначна. Есть тут насмешка над абстрактным морализированием, и в то же время стихотворение проникнуто каким-то неиссякаемым оптимизмом. И, в конце концов, оно попросту смешно.

Лирический герой книги — не только человек острой, парадоксальной мысли. Во многих стихах герой показан в движении, действии. Студент Томского университета, он лихо трудится на строительстве коровника («Конец третьего семестра»); вот он, уже журналист, мчится по кузбасскому городку на велосипеде, чтобы дать поскорей в газету информацию о шахтерском рекорде. («Сыплет за пудом пуд...»). Он не удовлетворяется «данностью» мира, а жаждет переоборудовать его. Отсюда — множество предложений в его стихах:

Чтоб навсегда искоренить

*корысть и зависть лютую, —
нам деньги надо заменить
апрельскою валютою!*
(«Весеннее предложение»)

Поэт замахивается даже на один из фундаментальнейших законов мироздания — на второе начало термодинамики. Он хочет победить Энтропию — рассеяние энергии в мировом пространстве. («К вопросу о втором начале термодинамики»).

Предложения, конечно, шуточные, но невольно думаешь: как было бы здорово, осуществись они!

Владимир Ширяев умеет не только с улыбкой говорить о серьезном, он обладает способностью и находить серьезное в смешном. Нарисовав смешную фигуру тренера акробатического кружка — лысый, курносый, в больших очках, — он делает неожиданный вывод: «На Гамлета он походил» Чем же? А тем, что «учил беде смотреть в лицо, учил, чтоб мы не убежали от негодяев, подлецов». Что ж, все верно. Сходство с Гамлетом есть. Причем, сходство не внешнее, а глубоко внутреннее.

Стихотворение «В зоопарке», где набросаны веселые портреты различных зверей, заканчивается так:

*У обезьянки — на щеке слеза:
к мороженому тянется рукою,
за баки себя дергает другою, —
как будто маску хочет снять с лица.*

Из юмористической сценка превращается в драматическую. Прямо-таки обнаженным сердцем ощущает поэт барьер меж нами и «нашими меньшими братьями».

Он умеет расслышать, как «рыдают избитая шутка и бродячий анекдот», ему хочется утешить, согреть их и пустить в дом — свой стих. Довольно часто он делает это, и тогда с удивлением обнаруживаешь, что «избитая шутка» засверкала вдруг новыми, скрытыми досель гранями.

Иногда он работает буквально «на отходах производства» — темах, словах, мимо которых мы чаще всего проходим. Но, оказывается, следует только повнимательней взглянуться в них, приложить к ним руку — и могут получиться весьма хорошие вещи. В этом убеждаешься, читая стихотворение «Августовские объявления» — одно из ключевых в книге. Его лирический герой шагает по родному городу и читает — как нам кажется, все подряд — что написано на афишах, вывесках, объявлениях. Творческое участие автора здесь вроде бы минимально. Кажется, он ограничивается буквальным пересказом объявлений. Но происходит что-то вроде чуда: эти неприятные надписи на клочках бумаги начинают наполняться новым смыслом.

*Облеплена дверь:
«Желаем размена
квартиры — на две
любого размера!»*

Если вдуматься, это же крик чьей-то души! Видимо, драма разбитой семьи стоит за этими нехитрыми словами. Автор не говорит об этом прямо, он не разжевывает нам внутреннего смысла объявлений. Совершая определенную духовную работу, мы доходим до него сами — и мы благодарны автору за это.

Да, не только весельем дышат стихи Владимира Ширяева. Есть ведь в них и угрюмая вьюга в пустынном парке, и унылые осенние дожди («Вьюга в пустынном парке...», «Ну вот, не пишется с утра...»). Подобные стихи начинаются без какого-либо

оттенка иронии, напротив — они сугубо серьезны и даже мрачноваты. А затем вдруг — нате вам: «Бабки, работать без брака, есть и на вас ОТК!», «Но, очевидно, стоит жить, — раз дождь прошел, раз мимо теленок весело бежит расцветкой в карту мира!».

Это, наверное, с каждым бывает так: захлестнет тебя грусть-тоска, аж себя жалко, ну и жалишься другу. Вот уже и он голову на кулак положил. А ты его вдруг хлоп по плечу: «Чего раскис? Мы еще повоюем, черт возьми!»

Такие же резкие перепады настроения характерны и для любовной лирики В. Ширяева, которая занимает не такое уж малое место в книге. «Баллада о субординации» — так необычно, используя канцеляризм, озаглавил автор одно из стихотворений — очень смешное и очень грустное. К сожалению, и. о. — исполняющие обязанности — бывают и в любви. И когда прибывает Сам, то им, этим и. о., возомнившим, что их действительно любят, приходится уступать место. В цикле «Холода» на читателя обрушивается целая лавина метафор: тут и метель, напоминающая «модель любви», и «листоход», и синицы, сидящие на листке бумаги, как заглавные буквы, и черемуховые лепестки, похожие на черепки разбитой любви. Сталкивая лбами высокое и низкое, грустное и смешное, автор часто добивается того, что между этими полюсами проскакивает искра настоящей поэзии.

Не любит он переходов, переливов, полутонов. Яркие, пестрые краски, неожиданные, порой каламбурные рифмы («она мне — анамнез», «ногами — гаммы» и т. п.), быстрые, часто меняющиеся ритмы создают впечатление праздничности, звонкости:

*Бывали лучше времена,
но не было звончей!..*

Звонкость — довольно редкое качество в нашей поэзии, которая порой грешит противоположным — вялостью и серостью.

Есть, повторяю, в поэзии Владимира Ширяева что-то от цирковой игры. И в этом сравнении нет ничего унижительного для стихов. Ведь цирковая игра — это тебе не домино, она связана с определенным риском, требует умения и отваги. Вспомним, что некогда жонглерами называли странствующих поэтов.

Впрочем, и сам автор не скрывает, что ему близки приемы цирка:

*Не надо кричать, очевидно,
и гневно глазами сверкать.
Теперь я глотаю обиды,
как шпаги глотает циркач.*

Далее происходит необычное: боли и обиды возвращаются к миру «цветным серпантинном стихов». Вроде бы фокус, а если вдуматься, в этом и состоит миссия поэта.

Сборник «Августовские объявления» — это стихотворный дневник, который велся автором на протяжении полутора десятков лет. Быстро, одна за другой мелькают пестрые картины, и вдруг обнаруживаешь, что лирический герой не так уж и юн, что он проделал немалый жизненный путь, хотя в чем-то и остался верен себе. «Никогда я не умру!» — лихо восклицал он в стихотворении, открывающем книжку. В стихах, заключающих ее, тоже говорится о бессмертья:

*Казалось, что можно поладить
со смертью, вовек не стареть.
И надо по лицам погладить,
чтоб грим надоевший стереть.*

Разница большая. «Лирическая дерзость» уступает место углубленным, сосредоточенным раздумьям о смысле жизни.

Об этом же говорит и название книги. «Августовские объявления» — это и реальные объявления, красочные листы бумаги, которыми облеплен большой город, это — и начинающие желтеть листья августа, извещающие о том, что веселый летний сезон заканчивается, скоро осень.

Август — свежая, ясная пора, пора зрелости. Автор книги вступает в эту пору.

* - Ширяев. Августовские объявления. Кемерово, 1985.